

В.А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ

Статья посвящена вопросу воздействия элементов правовой культуры Византии на древнерусскую юриспруденцию. Анализ конкретных фактов позволил автору сделать вывод о том, что степень влияния правового наследия Византии на древнерусскую юриспруденцию была весьма ограниченной. Ее черты определялись в большей мере не этим влиянием, а условиями экономического, политического и культурного развития Древней Руси, особенностями общественного сознания русского народа. Византийскому правовому наследию отводилось в древнерусском обществе более идеологическое значение, нежели регулятора общественных отношений.

Ключевые слова: древнерусская юриспруденция; правовая культура Византии; Эклога; договоры Руси с Византией; закон русский; рецепция права.

This article is devoted to the impact of the legal culture of Byzantium at the Old Russian jurisprudence. An analysis of the facts allowed the author to conclude that the impact of the heritage of Byzantium at the Old Russian law was very limited. Its features were determined not by that influence, but rather by economic, political and cultural development of Old Russia, the peculiarities of Russian public consciousness. Byzantine legal heritage enjoyed in the Old Russian society more ideological meaning, rather than the regulator of social relations.

Keywords: Old Russian jurisprudence, the legal culture of Byzantium; Eclogue; treaties of Russia with Byzantium, Russian law, reception of law.

Самым ранним по времени из дошедших до нас памятников древнерусской юриспруденции является договор Руси с Византией, заключенный в 911 г. киевским князем Олегом с византийскими императорами Львом и Александром. Его текст приводится в «Повести временных лет», изложенной в Лаврентьевской летописи 1377 г. О том, что названный договор содержал не какие-то искусственно сформулированные его составителями правила, а представлял собой запись реально действовавших правовых норм, свидетельствует само его содержание. В нем неоднократно упоминается термин «закон русский». «Аще ли оударит мечем, или оубьет кацѣм¹ любо сосоудом, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону Роускому»², — гласит одна из статей

* tomsinov@yandex.ru

¹ В смысле: будет бить кацем («кац» — огнище или кадило).

² Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною историко-археологической комиссией Академии наук СССР. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1:

рассматриваемого договора. В заключении текста договора 911 г., приводимого в Ипатьевской летописи, говорится о том, что представители князя Олега клянутся перед византийским царем «по закону и по поко-ну» своего народа³.

Термином «закон русский» обозначалось здесь, вероятнее всего, не что иное, как устное обычное право, действовавшее в рамках древне-русского общества. Каких-либо записей правовых норм, которые можно было бы отнести к эпохе, предшествующей времени составления до-говора князя Олега с византийскими императорами, и даже простых упо-минаний о таких записях до сих пор не обнаружено. Следует отметить, однако, что даже если «закон русский» и представлял собой совокуп-ность правовых обычаев, выражавшихся лишь в устной форме, то это было весьма устойчивое образование. Не случайно, спустя тридцать четыре года содержание Олегова соглашения с византийскими власти-телями было воспроизведено в договоре, который заключил в 944 г. киевский князь Игорь с правившими совместно византийскими импера-торами Романом, Константином (Багрянородным) и Стефаном. И в этом документе также неоднократно делалась ссылка на «закон русский», причем и в тех статьях, которые отсутствовали в более раннем догово-ре. Что же касается термина «покон», то он недвусмысленно употреб-ляется в значении обычая. Словосочетание «по покону языка нашего» означает «по обычаю народа (или племени) нашего».

Оригиналы обоих договоров писались на греческом языке. Но впо-следствии их тексты переводились на русский язык⁴. Варианты этих документов, написанные на русском языке, имели в своем распоряже-нии составители «Повести временных лет». Их содержание показывает, что лексика русского языка была в начале X в. достаточно развитой для того, чтобы описать те или иные преступления и наказания, не прибегая к заимствованиям из лексики греческого или каких-либо других ино-странных языков. Так, мы видим в договорах термины «убийство» и «убой», «татба» (кража), «вина», «казнь» (в смысле наказания), «закон», «покон», «устав» и т.д.

Как известно, развитие юриспруденции в западноевропейских стра-нах было в значительной мере стимулировано заимствованиями из дре-неримской правовой культуры. Французские, германские, английские правоведы воспринимали в Средние века правовые идеи, юридические конструкции, понятия и термины, выработанные юристами Древнего Ри-

Повесть Временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926 (далее — Лаврентьевская летопись. Вып. 1: По-весть Временных лет). Стлб. 34.

³ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Импера-торско-Археографической комиссией. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. Спб., 1908 (далее — Ипатьевская летопись). Стлб. 28.

⁴ Это доказал С.П. Обнорский (см.: *Обнорский С.П. О языке договоров русских с гре-ками // Язык и мышление. Л., 1936. Т. 6—7. С. 102).*

ма, приспособляли их к реалиям средневекового европейского общества⁵. При этом западноевропейские правоведы воспринимали и сам язык древних римлян — латынь, точнее его вульгаризированный в эпоху раннего Средневековья вариант. На латинском языке были изложены первые западноевропейские письменные правовые памятники, так называемые «варварские правды» — «Lex Burgundionum», «Lex Visigothorum», «Lex Salica», «Lex Saxonum». На этом языке были написаны и юридические трактаты средневековых западноевропейских правоведов: произведение, приписываемое английскому юстициарию XII в. Ранульффу Глэнвиллу «Tractatus de Legibus et consuetudinibus regni Angliae», трактат английского судьи XIII в. Генри Брэктона «De Legibus et consuetudinibus Angliae», трактат французского правоведа XIII в. по имени Петр «Petri exceptiones Legum Romanorum» и др. Язык правоведов в западноевропейских странах был непонятен для простого населения, поэтому латинизированная западноевропейская юриспруденция развивалась в отрыве от народной духовной культуры.

Совершенно иная ситуация складывалась на Руси. Языком русской юриспруденции был с самого начала язык народный. Правовые тексты здесь мало отличались от текстов фольклорных. Русская юриспруденция была тесно связана в своем становлении и развитии с русской народной культурой. Влияние византийской юриспруденции на русскую было не таким глубоким и всеобъемлющим, каким являлось влияние на средневековую западноевропейскую юриспруденцию элементов правовой культуры Древнего Рима. В эпоху же, предшествовавшую принятию политической элитой древнерусского общества христианской религии, воздействие правовой культуры Византии на русскую правовую культуру было вообще минимальным. Оно распространялось разве что на внешнюю форму правовых актов, на их структуру, расположение правового материала. Содержание же правовых норм более соответствовало «закону русскому», т.е. обычному праву древнерусского общества, нежели византийским законодательным актам.

Так, по нормам византийской Эклоги лицо, совершившее убийство, подлежало суду, и только на основании судебного решения убийца мог быть предан смертной казни. При этом Эклога различала убийство предумышленное от убийства в драке. Статья 45 данного законодательного сборника устанавливала, что «совершивший предумышленное убийство независимо от возраста карается мечом»⁶. Согласно же ст. 47, если в результате происшедшей схватки случалась смерть, то судьям надлежа-

⁵ См. об этом подробнее: *Томсинов В.А.* Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI—XIII вв. // *Древнее право.* М., 1997. Вып. 1 (2). С. 112—119; *Томсинов В.А.* О роли римской правовой культуры в формировании «общего права» Англии // *Древнее право.* М., 2000. № 2 (7). С. 138—147.

⁶ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Э. Липшиц. М., 1965. С. 72.

ло рассудить и обследовать оружие, которым была причинена смерть. В зависимости от результатов этого обследования и выносилось в такой ситуации наказание. Если судьи обнаруживали, что «убийство было совершено тяжелыми дубинами или большими камнями, или ударами ноги», виновный подлежал отсечению руки. «Если же какими-либо более легкими орудиями», то виновному назначалось наказание «плетьми и изгнанием»⁷.

В договорах Руси с Византией 911 и 944 гг. проводился иной подход к убийству. В них не отличалось убийство умышленное от неосторожного. Но самое главное, в качестве средства наказания за убийство здесь предусматривалось применение кровной мести. Одна из статей договора 944 г. гласила: «Аще оубьеть хрестянинъ Русина или Русинъ хрестянина и да держимъ будеть створивыйи убиство от ближних оубьенаго да оубьють и. Аще ли оускочить створивыйи оубои и оубежить аще будеть имовить, да возмуть именье его ближнии оубьенаго; аще ли есть неимовить [створивыйи убиство] и оускочить же, да ищють его дондеже обрящется, аще ли обрящется да оубень будеть»⁸. Таким образом, в договоре прямо декларировалось право близких родственников убитого убить убийцу без суда и следствия в случае, если преступник будет схвачен ими на месте преступления. Когда же убийца скрывался, то родственникам убитого предоставлялось право захватить в возмещение за преступление имущество преступника. Если же убийца был неимущим, то родственникам убитого можно было искать убийцу до тех пор, пока тот не будет обнаружен, а при обнаружении преступника им разрешалось убить его. Очевидно, что составители текста договора Руси с Византией следовали в данной ситуации нормам «русского закона», а не византийского права.

По византийскому законодательству лицо, совершившее кражу, подлежало различным наказаниям в зависимости от своего статуса и характера преступного деяния. Тот, кто совершал кражу в первый раз и при этом являлся свободным и состоятельным человеком, должен был на основании ст. 11 титула XVII Эклоги возратить украденную вещь владельцу и в качестве наказания за свое преступление уплатить ему двойную стоимость этой вещи. Если же вор был человеком неимущим, он подвергался за первую кражу наказанию плетьми и изгнанию, а за повторную — отсечению руки⁹. В договоре 911 г. о краже говорилось следующее: «О сем, аще оукрадть что Русин любо оу хрестьянина, или паки хрестьянинъ оу Русина, и ѡть будть в том часе тать, егда татбу сотворит, Ѡ погубившаго что любо, аще приготоуиться тать твораи и оубень будет, да не взищеться смерть его ни Ѡ хрестьянъ, ни Ѡ Роуси, но паче оубо

⁷ Там же.

⁸ Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 51—52.

⁹ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. С. 69.

да возмет свое иже [будеть] погубил. Аще дасть роуце свои оукрадыи, да ѡ будет тем же, оу него боудет оукрадено, и связанъ будет, [и] ѡдаст тоѡ, еже смѣ створити, и сотворит триичи ѡ сем»¹⁰. Иными словами, устанавливалось правило, по которому если вор украдет что-либо — русский у византийца (христианина) или византиец у русского — и будет пойман хозяином украденной вещи во время совершения кражи или в момент приготовления к ней, и при этом вора убьют, то за смерть его ни византиец, ни русский не понесут никакого наказания¹¹, но пострадавший от кражи может вернуть себе то, что у него было украдено. Если же вор добровольно отдастся и будет взят тем, у кого украл, то он должен вернуть то, что украл, — в тройном размере. Данное правило не соответствовало предписаниям византийского законодательства о наказании за кражу, но отражало нормы русского обычного права. Тем не менее оно распространялось не только на русских, но и на византийцев (христиан). «Русскому закону» отдавалось, таким образом, явное предпочтение перед византийским законодательством.

В договоре 944 г. статья о наказании за кражу предусматривала применение и византийского и русского права. И здесь уже ничего не говорилось о возможности убийства вора в момент совершения кражи или во время приготовления к ней. «Аще ли ключитса оукрасти Русину ѡ Грек что, или Гръчину ѡ Руси, достойно есть да възворотити [е] не точью едино, но и цѣну его. Аще оукраденное ѡбращетса предаемо, да вдасть и цѣну его сугубо, и то показнень будетъ по закону Гречьскому [и] по уста[в]оу и по закону Рускому»¹². Иными словами, вору предписывалось вернуть не только украденное, но и уплатить сумму, равную его стоимости. В случае же если обнаруживалось, что украденное было продано, вор должен был вернуть сумму, составляющую его двойную стоимость, и он подлежал наказанию по византийскому законодательству и «по уставу и закону Рускому». Очевидно, что по отношению к византийцу в данном случае действовало византийское право, к русским же применялись нормы русского обычного права.

В отличие от договора 911 г., в котором говорилось о «законе» или «поконе» Русском, договор 944 г. упоминает помимо слова «закон» термин «устав». Позднее данный термин употреблялся на Руси для обозначения совокупности писаных правовых норм, установленных князем. Так, в Новгородской первой летописи младшего извода после рассказа о том, как князь Ярослав утвердился с помощью новгородской дружины на

¹⁰ Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 34—35.

¹¹ Возможность безнаказанно убить вора, пойманного ночью на месте преступления, предусматривалась статьей 38 Русской Правды (Краткой редакции), гласившей: «Аще ли убиють татя на своем дворѣ, или у клѣтѣ, или у хлѣва, то тои убить и есть» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 179).

¹² Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 50.

великокняжеском престоле в Киеве («на столе отца своего Володимера»), говорится, что он, одарив новгородцев «по 10 гривен всем», отпустил их всех домой, «давь имъ правду и уставъ списавъ»¹³. На этом основании некоторые историки построили свои предположения о том, что ко времени составления договора 944 г. между Русью и Византией на Руси уже существовало писаное право¹⁴. Однако термин «устав» имел в древнерусском языке не только значение совокупности писанных законов или правил — он применялся также для обозначения обычая, древнего правила¹⁵. И, думается, в тексте договора 944 г. термин «устав» использовался именно в этом, последнем значении.

Таким образом, в самых ранних из дошедших до нас записей русского права три слова — «закон», «покон» и «устав» — употреблялись на первый взгляд в одинаковом значении: в качестве терминов, обозначающих обычай или их совокупность.

Можно предположить, что указанные слова относились к различным категориям обычаев. Например, слово «закон», скорее всего, применялось для обозначения обычаев, признанных княжеской властью и действовавших на всей территории Русского государства. Отсюда, мне кажется, и частое употребление слова «закон» в сочетании с определением «Русский».

Любопытно, что в Западной Европе в эпоху раннего Средневековья латинский термин «Lex», переводимый на русский язык как «закон», долгое время использовался для обозначения не писанных законов как таковых, а совокупности существующих и передающихся в устной форме обычно-правовых норм.

Термин «покон», на мой взгляд, обозначал на Руси в IX в. в отличие от термина «закон» совокупность племенных обычаев, т.е. обычаев, действующих не на всей территории Русского государства, а лишь в рамках какого-либо племени, составлявшего часть русского народа. Не случайно слово «покон», употребленное в ипатьевском варианте текста договора 911 г., сочетается со словом «языка нашего», т.е. племени или народа нашего. С этой точки зрения между словами «закон» и «покон» можно провести следующее различие: «закон» — это обычное право территориального действия, а «покон» — обычаи персонального характера действия или, иначе говоря, обычаи, связанные не с государственной территорией, а с определенной этнической общностью.

¹³ Новгородская первая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. III. С. 175.

¹⁴ См., напр.: *Зимин А.А.* Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 229; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 139—146.

¹⁵ На это указывает словарь древнерусского языка И.И. Срезневского (см.: *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам.* Труд И.И. Срезневского. Т. 3. СПб., 1903. Стлб. 1278).

Что же касается термина «устав», то, по моему мнению, применительно к договору 944 г., в тексте которого данный термин встречается, он обозначает норму устного характера, установленную княжеской властью.

Как бы то ни было, разнообразие юридических понятий и терминов, которые показывают изложенные на русском языке тексты договоров, заключенных в 911 и 944 гг. между Русью и Византией, является одним из свидетельств того, что зарождавшаяся русская юриспруденция имела в те времена прочный фундамент для развития в качестве самостоятельного явления — явления исконно русского как по своему содержанию, так и по форме.

Значительным событием в истории древнерусской юриспруденции стало принятие великим князем Владимиром и его боярами христианства в качестве официальной религии Русского государства. Вместе с христианской религией на Руси появились священники из Византии и византийские сборники церковного законодательства — так называемые «номоканоны» и «синопсисы». Номоканоны назывались сборники, сочетавшие в своем содержании нормы светского права (*νόμος*) и церковные правила (*κάνων*) — «каноническую синтагму». Свод этих норм и правил являлся своего рода кормилом, которым управлялась церковь, уподоблявшаяся в стародавние времена кораблю. Из этого образа возникло другое название номоканона, утвердившееся впоследствии на Руси, — «кормчая книга». Синопсисами назывались сборники, воспроизводившие содержание номоканонов в сокращенном виде.

Среди наиболее авторитетных византийских канонических сборников¹⁶, ставших впоследствии известными на Руси, самыми ранними по времени создания были: свод церковных правил в 50 титулах¹⁷ и «Собрание в 87 главах» светских узаконений, касающихся церковных дел (*Collectio LXXXVII capitulorum*)¹⁸. Оба этих сборника составил в 565—578 гг., в бытность свою Константинопольским патриархом, Иоанн Схоластик¹⁹. В VI—VII вв. некто из византийских церковных деятелей соединил названные сборники в единый номоканон в 50 титулах. Свод церковных правил был подвергнут при этом значительным сокращениям, а

¹⁶ Древнейшим же каноническим сборником, составленным в восточной части Римской империи, являлся сборник, известный в исторической науке под названием «Никейские правила», содержащий каноны Первого Вселенского собора и некоторых Поместных соборов (см.: *Заозерский Н.А.* Значение доникейского канонического права в церковном законодательстве IV и последующих веков // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1882. Кн. 6—7. С. 596 и сл.). Приблизительно в V—VI вв. в Византии был создан канонический сборник в 60 титулах, но он не сохранился.

¹⁷ Данный свод состоял из 85 апостольских правил, 224 правил четырех Вселенских и шести Поместных соборов и 68 правил Василия Великого.

¹⁸ Указанное «Собрание» включало в себя 12 новелл императора Юстиниана.

¹⁹ См. об этих сборниках: *Бенешевич В.Н.* Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. Спб., 1913.

собрание светских правовых норм, напротив, дополнено новыми узаконениями относительно церкви. Созданный таким образом новый сборник получил новое название — «Законные постановления, согласующиеся с предлежащими канонами» или «Начертания 50 титулов». Позднее в него были включены каноны Трулльского и Седьмого Вселенских соборов, Карфагенского собора 419 г. и двух соборов, состоявшихся при патриархе Фотии в Храме святых Апостолов в 861 г., а также правила святых отцов и другие авторитетные каноны. Одновременно восстановили полные тексты канонов, которые ранее излагались в сокращенном виде. Во второй половине IX в. данный канонический сборник был переведен на старославянский язык святым Мефодием.

В период между 578 и 610 гг. в Византии был создан канонический сборник под названием «Синтагма в 14 титулах». В 629—640 гг. он был дополнен новыми церковными канонами и тогда же в него включили светские правовые нормы. В результате синтагма приобрела характер номоканона. В 883 г. «Номоканон в 14 титулах» был подвергнут переработке. Имевшийся в нем свод канонических правил был дополнен канонами Шестого и Седьмого Вселенских соборов и двух соборов 861 г., состоявшихся в Храме святых Апостолов, и собора, заседавшего в 879—880 гг. в Храме святой Софии. Некоторые добавления были сделаны и ко второй части данного номоканона — к собранию светских правовых норм. Указанное преобразование «Номоканона в 14 титулах», имевшее место в 883 г., было впоследствии приписано Константинопольскому патриарху Фотию. Поэтому названный сборник часто именуется в исторической литературе «Номоканон Фотия»²⁰. Приблизительно в начале XI в. он был переведен на церковнославянский язык и стал самой авторитетной на Руси кормчей книгой. Его содержание включало в себя правила святых Апостолов, каноны семи Вселенских и шести Поместных соборов, каноны Василия Великого, правила святых отцов, принятые Вселенской Церковью. В дополнение к этому своду церковных правил в рассматриваемом Номоканоне приводились нормы сборников светского права Византии — Эклоги и Прохирона.

Во второй половине XIII в. Русской церковью был признан в качестве авторитетного номоканон, переведенный на славянский язык святым Саввой — первым Сербским архиепископом.

Помимо указанных византийских номоканонов, вбиравших в себя каноны по всем вопросам церковной жизни, определенное распространение в среде древнерусского духовенства получили канонические сборники специального характера, которые содержали правила, касавшиеся лишь каких-то отдельных сфер церковного быта. Подобным сборником являются, например, «Правила» святого Никифора

²⁰ См.: Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. Спб., 1905.

Исповедника касательно покаянной дисциплины и «Покаянный номоканон» Константинопольского патриарха в 582—595 гг. Иоанна IV Постника, состоявший преимущественно из канонов о монашестве и покаянии²¹.

Во время правления великого князя Ярослава Владимировича на Руси была развернута грандиозная работа по переводу византийской христианской литературы с греческого на церковно-славянский язык. В Лаврентьевской летописи под годом 6545 (1037 год современного летоисчисления) говорится следующее: «Ярослав, любѣ церковнымъ оуставы, попы любаше по велику, излиха же черноризьць и книгамъ прилежа и почитаѣ е часто в нощи и в дне и собра писць многы и прекладаше ѿ Грекъ на Словѣньское писмо и списаша книги многы»²².

Появление на Руси священников — служителей христианской религии и перевод огромного массива византийской христианской литературы (в том числе канонических сборников и сводов светских правовых норм) на церковно-славянский язык создали новые условия для развития древнерусской юриспруденции.

Христианское духовенство с самого начала своего появления на Руси стало выступать здесь в роли носителей не только богословских, но и юридических знаний. Об этом свидетельствуют древнерусские летописи, слово «О законе, данном Моисеем, и о благодети и истине, явленной Исусомъ Христом...» митрополита Илариона и другие памятники древнерусской письменности.

Под годом 6504 (996 год современного летоисчисления) в Лаврентьевской летописи рассказывается о том, как однажды пришли к великому князю Владимиру епископы со своими советами относительно того, как наказывать разбойников. «Живаше же Володимерь в страсть Божьи и оумножишася [зело] разбоеве и рѣша епископи Володимеру: “Се оумножишася разбойници, почто не казниши ихъ”. Он же рек имъ: “Боюся грѣха”. Они же рѣша ему: “Ты поставлень еси ѿ Бога на казнь злымъ, а добрымъ — на милованье. Достоить ти казнити разбоиника, но со испытать”. Володимерь же отвергъ виры, нача казнити разбоиникы»²³. Приведенный пример является ярким свидетельством того, что священники были активны в распространении в древнерусском обществе не только христианской религии, но и норм светского права, сложившихся в Византии. В соответствии со ст. 50 титула XVII Эклоги, «разбойничающий и устраивающий засады и убивающий» подлежали смертной

²¹ См. об этом сборнике: *Заозерский Н.А., Хаханов А.С.* Номоканон Иоанна Постника в его редакциях — грузинской, греческой и славянской. М., 1902.

²² Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 151—152; см. также: Ипатьевская летопись. Стлб. 139.

²³ Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 126—127; см. также: Ипатьевская летопись. Стлб. 111.

казни. При захвате таких преступников на месте преступления их должно было распять на фурке²⁴.

Говоря о любви великого князя Владимира к своей дружине, Лаврентьевская летопись отмечает, что он советовался с нею «о строи земленѣ и о ратехъ и [о] оуставѣ земленѣ»²⁵. В слове «О законе, данном Моисеем, и о благодети и истине, явленной Исусомъ Христом...» митрополита Илариона великий князь представлен советующимся относительно того, как «уставить» закон народу русскому. «Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равночестителю служитеlemь его!» — прославляет Иларион князя Владимира, добавляя при этом: «Онѣ съ святыими отци Никеискааго Събора закон человекомъ полагааше, ты же съ новыми нашими отци епископи сънимаяся чясто, съ многымъ съмерениемъ съвещаваашеся, како въ чловецехъ сихъ ново познавшихъ Господа закон уставити»²⁶.

Княживший в Новгороде в 30-е гг. XII в. внук Владимира Мономаха Всеволод Мстиславич в дополнительных статьях к своему «Уставу о церковных судах, и о людех, и о мерилах торговых» указывал: «А тое все приказах епископу управливати, а смотря в маноканон (т.е. номоканон. — *В.Т.*). А мы с воей души сводим»²⁷.

Определяя роль духовенства в развитии юриспруденции в Древней Руси, Н.Л. Дювернуа писал: «Кто мог лучше других сохранить всю законодательную традицию Древней Руси, кто был свободен от исключительно — местного взгляда на суд и закон, кто мог отвечать на весь круг вопросов юридических, включая сюда и свободу, и рабство, дела торговые, наследование во всех классах, опеку? Мы думаем, всего скорее лица духовные, которые знали не один круг интересов, которым их греческое образование давало возможность стать на точку зрения организованного и исторически развивающегося юридического быта, которые могли быть в настоящем смысле юристами»²⁸.

В условиях, когда государственные институты были еще не развиты и сфера государственного регулирования общественных отношений очень узка, духовенство вынуждено было брать на себя многие функции государственных служащих. В Византии существовала традиция, по которой церковь не замыкалась в кругу дел чисто духовных, но активно помогала государственной власти поддерживать в обществе необходи-

²⁴ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Сост. В.А. Томсинов. М., 2001. С. 248.

²⁵ Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 126.

²⁶ Библиотека Древней Руси. Т. 1. XI—XII века. СПб., 1997. С. 48. Подробнее об этом произведении митрополита Илариона см.: *Томсинов В.А.* История русской политической и правовой мысли. М., 2003. С. 34—46.

²⁷ Устав великого князя Всеволода о церковных судах, и о людех, и о мерилах торговых // Российское законодательство X—XX веков. Т. 1: Законодательство Древней Руси // Под ред. В.Л. Янина. М., 1984. С. 253.

²⁸ *Дювернуа Н.Л.* Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 153.

мый правопорядок. На Руси участие духовенства в государственных делах должно было принять значительно более широкий характер. «В обществе греко-римском, — писал по этому поводу историк С.М. Соловьев, — отношения семейные издавна подчинялись гражданским законам, тогда как в русском новорожденном обществе семейство оставалось еще неприкосновенным, но церковь по главной задаче своей — действовать на нравственность — должна была прежде всего обратить внимание на отношения семейные, которые по этому самому и подчинялись церковному суду»²⁹.

В лице православного христианского духовенства древнерусская юриспруденция получила социальную силу, которая могла стимулировать ее развитие. Священники были образованными людьми, в их распоряжении имелся правовой материал, вобравший в себя достижения византийской юриспруденции. Характеризуя привнесенные на Русь из Византии в составе номоканонов Эклогу и Прохирон, историк В.О. Ключевский называл их «типическими образцами византийской кодификации», основанной на образцовых произведениях римских юристов Гая, Ульпиана и др. «Не думайте, что это — кодексы или своды законов в современном значении этих терминов, — отмечал он. — Это — скорее произведения законовведения, чем произведения законодательства, более юридические учебники, чем уложения. Они рассчитаны не столько на судебную камеру, сколько на юридическую аудиторию. Я не знаю, удобно ли было по ним производить суд; но несомненно, по ним очень легко преподавать право. Самое заглавие одного из них *Ὁ πρόχειρος νόμος* буквально значит *ручной закон*, руководство, приспособленное к легчайшему познанию законов. Читая тот или другой титул этих кодексов, разбитый на известное количество глав или параграфов, чувствуешь, как будто читаешь конспект лекции из курса гражданского правоведения»³⁰.

Призванное содействовать государственной власти в поддержании общественного порядка, русское духовенство едва ли могло усвоить институты византийского вещного, обязательственного права и семейного права, имевшие древнеримское происхождение. Вряд ли могло оно понять существо эмфитевзиса, суперфиция, депозита, сговорного задатка и предбрачного дара, уяснить различие между подвластным сыном и эмансипированным, между завещанием и легатом и т.д. Но что касается *приемов и способов обработки правового материала, классификации и систематизации его* — одним словом, *всего того, что входит в содержание юриспруденции*, то здесь дело обстояло иначе. В сфере прикладной, практической юриспруденции церковники с их развитым в результате многолетнего изучения священных текстов логическим мышлением должны

²⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 261.

³⁰ Ключевский В.О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка // Ключевский В.О. Православие в России. М., 2000. С. 328.

были чувствовать себя как рыба в воде. «Кормчая принесла на Русь, — подчеркивал В.О. Ключевский, — первые образцы связного уложения, построенного не на пережившем себя обычае или случайном усмотрении власти, а на последовательном развитии известных юридических начал, отвечающих насущным потребностям общества. С тех пор начались и у нас опыты составления по разным отраслям действовавшего права кратких сводов, подобных тем, какие так любила и так умела составлять греко-римская юриспруденция. Разные редакции Русской Правды и церковных уставов св. Владимира и Ярослава, церковные уставы их потомков, князей XII века — все это были ранние подражания синоптической византийской кодификации, или прямо вышедшие из среды духовенства, или предпринятые под влиянием и при содействии церковных законовевдов. Разумеется, эти опыты далеко отставали от своих образцов как в кодификационной технике, так и в выработке юридических начал. Но они будили юридическую мысль, отрывая ее от непосредственных явлений, приучая подбирать однородные юридические случаи и из них извлекать общие правила, юридические нормы»³¹.

Благодаря участию православного духовенства в составлении законов в древнерусской юриспруденции возникла традиция мотивации той или иной правовой нормы. Возможно, прием мотивации законодательного установления древнерусские законоискусники переняли у правоведов Византии. Но как бы то ни было использовали они этот прием более для оправдания смягчения санкций, чем их ужесточения. Византийское законодательство отличалось жестокими наказаниями за преступления: в нем предусматривались и мучительные и позорящие наказания, и, как уже говорилось, смертная казнь. Русские творцы законов отказывались от таких наказаний, мотивируя это тем, что казнить или увечить человека противно христианской вере — «не бо приимает сего церковное наказание и учение».

Правда, необходимо признать, что смягчение наказаний могло диктоваться в условиях древнерусского общества и вполне материальными причинами. Так, попытка великого князя Владимира ввести смертную казнь за разбой, о которой говорилось выше, не увенчалась успехом потому, что такое наказание лишало его поступлений денег в казну. Спустя некоторое время после введения князем Владимиром смертной казни за разбой сами епископы, выступавшие за эту меру, признали, что если бы наказанием была вира, то у князя были бы деньги и на коней, и на оружие³².

³¹ Там же. С. 329—330.

³² «И реша епископы и старцы: «Рать многа, а еже вира, то на конихъ и на оружьи буди». И рек Володимиръ, да тако буди». И живяше Володимиръ по строенью дедню и отню (т.е. и сказали епископы и старцы: «Войн много, а если вира, то на коней и на оружие будет». И сказал Владимир: «Пусть так»). И жил Владимир по заветам деда и отца» (Ипатьевская летопись. Стлб. 111—112; Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 127).

Как известно, в конце XI — начале XII в. в Западной Европе возникли первые университеты, в рамках которых развернулось широкомаштабное изучение и разработка византийских правовых памятников — Дигест, Кодекса, Институций и Новелл Юстиниана. Возникла университетская юриспруденция³³. XI—XII века стали временем духовного расцвета Древней Руси. Заметный прогресс в своем развитии сделала в указанный период и древнерусская юриспруденция. На Руси так же, как и в Европе, происходила в данное время интенсивная разработка литературных и правовых памятников прошлого. Однако характер этого процесса отличался целым рядом особенностей по сравнению с тем, что имело место в Западной Европе. Правовое наследие Византии, а следовательно, в какой-то мере и Древнего Рима, было воспринято в древнерусском обществе не так, как оно воспринималось в обществе западноевропейском.

Юриспруденция Древней Руси испытала в процессе своего становления и развития определенное воздействие правовой культуры Византии, сформировавшейся на базе правового наследия Древнего Рима. Как известно, юриспруденция западноевропейских стран также развивалась под воздействием элементов византийской правовой культуры и древнеримского правового наследия. Однако степень и характер этого воздействия были различными в условиях древнерусского и западноевропейского обществ.

Территория Западной Европы входила в первые века нашей эры в состав Римской империи. На нее распространялась власть римского императора и на ней соответственно действовали нормы римского права. Действие этих норм не прекращалось в Западной Европе и после того, как здесь возникли самостоятельные государства, в которых сложилась королевская власть, независимая от какой-либо другой государственной власти. Более того, римское право в этих условиях продолжало здесь даже изучаться³⁴. Поэтому влияние римской правовой культуры на юриспруденцию западноевропейских стран, наблюдающееся в эпоху Средневековья, не было восприятием *чужой* правовой культуры. Уже по одной этой причине оно не может быть названо «рецепцией» римского права.

На самом деле явление, называемое в исторической литературе «рецепцией римского права в Западной Европе», было не чем иным, как феноменом *преемственности определенной части западноевропейской правовой культуры по отношению к правовой культуре, выработанной в Древнем Риме и Византии.*

³³ Подробнее об этом см.: *Томсинов В.А.* О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право.* 1998. № 4. С. 3—17; *Томсинов В.А.* Рецепция права // *Общая теория государства и права. Академический курс: В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко.* Т. 2. М., 2007. С. 531—552.

³⁴ См.: *Томсинов В. А.* Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI—XIII вв. / *Древнее право.* 1997. № 1(2). С. 113.

Для древнерусского общественного сознания правовая культура Византии была *чуждой* правовой культурой. Отношение русских к византийскому праву как к *чуждому* праву ясно проявляется в содержании русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Так, в договоре 944 г. говорится, что если случится украсть что-нибудь русскому у грека или греку у русского и украденное будет продано, то вор возместит его двойной ценой и будет наказан «по закону Гречьскому [и] по уста[в]оу и по закону Рускому»³⁵. Подобным образом не смешивались в русско-византийских договорах также обычаи и религиозные нормы русских и греков. В договоре 911 г. устанавливалось, что крещенные греки клянутся соблюдать его статьи церковью и честным крестом, а некрещенные русские по своим обычаям и верованиям³⁶. Согласно договору 944 г. русские клялись соблюдать его своими щитами и оружием³⁷.

В Западной Европе система образования, включавшая в себя изучение права, строилась по преимуществу на базе латинской письменности, и соответственно слой образованных людей, и в том числе правоведов, писал и говорил на латинском языке. Поэтому и нормы туземного права часто записывались на латыни. В отдельных западноевропейских странах, в Англии например, мог применяться при изложении юридических текстов местный письменный язык, однако правилом для Западной Европы было все же использование в подобных случаях латыни. Латинский язык западноевропейской юриспруденции выражал собой преемственную связь правовой культуры Западной Европы с правовой культурой Древнего Рима.

В древнерусском обществе в отличие от современного ему западноевропейского слой образованных людей писал и говорил на русском и церковнославянском языках. Упомянутые византийско-русские договоры были написаны одновременно и на греческом и на русском языках. Их тексты показывают, что русские вполне могли выразить в письменном виде на своем родном языке все основные юридические понятия.

Церковно-славянская письменность возникла на основе старославянской письменности, алфавит которой был создан в середине IX в. Константином Философом³⁸ на базе разговорного языка македонских славян³⁹. В 864—865 гг. Константин Философ перевел для духовенства но-

³⁵ Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 50.

³⁶ Там же. Стлб. 37.

³⁷ Там же. Стлб. 53.

³⁸ В исторической литературе Константин Философ более известен под именем Святого Кирилла, брата Святого Мефодия.

³⁹ Данный алфавит иногда именуется «кириллицей» по монашескому имени его создателя. Но современные специалисты с уверенностью утверждают, что Константин Философ создал на самом деле «глаголицу», а «кириллица» есть «результат предпринятой учениками Мефодия (видимо, в Болгарии) попытки приспособить греческое официальное письмо IX в. к фонетическим особенностям славянской речи» (*Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 150).

вой, Славянской церкви, формировавшейся в то время в Великой Моравии с помощью властей Византии и моравского князя Ростислава, «весь чин церковной службы»⁴⁰, т.е. христианские литургические тексты. Позднее он и его брат Мефодий со своими учениками перевели на старославянский язык тексты Священного Писания, Отцов христианской церкви⁴¹ и богословов, а также византийские юридические тексты.

Ко времени принятия христианства великим князем Владимиром в Киеве существовала христианская община, в рамках которой богослужение велось на старославянском языке. В процессе этих богослужений данный язык претерпевал изменения: в него включались слова из живого древнерусского языка. Подобные перемены происходили со старославянским языком и во время переводов на него византийской религиозной и юридической литературы, осуществлявшихся древнерусскими книжниками. Хотя интенсивная переводческая деятельность развернулась на Руси только в XI в., переложение некоторых византийских произведений на старославянский язык было сделано древнерусскими переводчиками еще в X в. Так, по всей вероятности, именно тогда была переведена «Эклога». На Руси этот византийский правовой сборник получил известность под названием «Леона и Константина верная цесаря»⁴².

В результате указанных процессов на базе старославянского языка в древнерусском обществе формировался новый, так называемый «церковно-славянский» язык русской редакции⁴³. Древнерусское духовенство было в состоянии воспринимать византийскую религиозную и юридическую литературу и на греческом и на латинском языках, но сколько-нибудь заметное общественное значение на Руси имели именно переводы этой литературы на церковно-славянский язык.

Наряду с письменностью на церковно-славянском языке в древнерусском обществе существовала также письменность на бытовом русском языке. На широкое распространение этой разновидности письменности и одновременно на большое число грамотных людей в Древней Руси указывают берестяные грамоты, обнаруженные археологами в Новгороде, Пскове, Старой Руссе и других местах. Разговорный язык, на котором была основана эта письменность, формировался в крупных древнерусских городах. Их население было смешанным по своему этниче-

⁴⁰ Память и житие блаженного учителя нашего Константина Философа, первого наставника славянского народа // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI—XII века. СПб., 1999. С. 55.

⁴¹ На Руси впоследствии имели хождение переводы таких Отцов, как Григорий Богослов (ок. 330 — ок. 390 гг.), Василий Кесарийский (ок. 330—379 гг.), Иоанн Златоуст (ок. 350—407 гг.), Иоанн Дамаскин (ок. 675—753 гг.) и др.

⁴² Современный историк Л.В. Милов, специально занимавшийся данной проблемой, высказал мнение о том, что славянский перевод «Эклоги» можно датировать 996 г. (*Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. 1996. № 1. С. 203*).

⁴³ Подробнее об этом см.: *Улуханов И.С. О языке Древней Руси. М., 2002. С. 32—77.*

скому и социальному составу. Поэтому в качестве средства общения здесь применялся некий обобщенный русский язык, в котором сглаживались диалекты различных племен и местностей.

Будучи положенным на письмо, этот язык стал использоваться на Руси при летописании и при записи норм исконно русского права. Нормы «Русской Правды» были записаны именно такого рода письменным языком.

С течением времени русский письменный язык вбирал в себя церковно-славянские термины⁴⁴; в свою очередь и церковно-славянская письменность заимствовала слова из русского бытового языка. Таким образом, обе разновидности письменности в некоторой степени сближались одна с другой. Однако двуязычие в области духовной культуры Древней Руси, и в том числе в сфере древнерусской юриспруденции, продолжало при этом сохраняться вплоть до XVIII в.

Данная языковая ситуация существенно отражалась на судьбе византийского религиозного и правового наследия в древнерусском обществе. Византийские юридические произведения переводились, как правило, не на русский, а на церковно-славянский язык. В связи с этим не только сугубо религиозные по содержанию тексты, но и те из них, которые содержали светские правовые нормы, воспринимались на Руси в качестве неотъемлемой части христианской традиции. Так, тридцать девятый титул «Прохирона», состоящий из предписаний тех или иных уголовных наказаний, выступает под названием «Заповеди по преданию святых правил избранная, о казнях, по повелению святых отец и по уставу св. царей»⁴⁵. Отношение к «Прохирону», нормы которого именовались на Руси «градскими законами», как к неотъемлемой части богословия сохранялось в русском обществе на протяжении многих веков. Иосиф Волоцкий гневно обличал тех, кто пытался отделить «градские законы» от «апостольских и отеческих писаний»⁴⁶.

В Западной Европе христианская теология также сливалась в определенной степени с юридическими доктринами. Начальная история христианства была, как известно, связана с историей Римской империи. «Будучи включенной в римское общество, церковь не могла игнорировать право»⁴⁷. Поэтому в ее рамках действовал принцип «духовенство живет по римским законам». Христианские идеологи, разрабатывавшие церков-

⁴⁴ В качестве примера славянизма, нашедшего себе место в письменности, основанной на бытовом русском языке, можно привести союз «аще» (если). Он часто встречается в текстах «Русской Правды» и других юридических установлениях, начертанных на русском языке.

⁴⁵ См.: *Бенеманский М.* Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. С. 111.

⁴⁶ *Иосиф Волоцкий.* Просветитель. Казань, 1855. С. 537—538.

⁴⁷ *Gaudemet J.* La formation du droit seculier et du droit de l'eglise aux IV et V siecle. Sirey, 1979. P. 217.

ные доктрины, имели явную склонность к юридизации основных теологических постулатов. Так, еще Тертуллиан «облекал религиозные идеи в юридические формы и формировал в свое время (на рубеже II—III вв.) эмбриональную христианскую доктрину посредством римского права»⁴⁸. Данная закономерность наблюдается и после распада западной части Римской империи на отдельные государственные образования и фактического обособления западно-римского клира, подчиненного римскому епископу (папе), в самостоятельную церковь. По словам английского правоведа Г.С. Мэна, «лишь только западные провинции, выйдя из-под греческого влияния, вздумали создать свою собственную теологию, то эта теология оказалась пропитанною формальными юридическими идеями и построенною на юридической фразеологии. Не подлежит сомнению, что эта юридическая подкладка легла глубоко в основу западной теологии»⁴⁹. Древнеримское правовое наследие сыграло немаловажную роль и в становлении канонической юриспруденции в Западной Европе⁵⁰. Историк права Э. Гензмер писал в связи с этим, что в Западной Европе «первую рецепцию римского права осуществило не исключительно, но главным образом духовенство»⁵¹.

С XII в. изучение и усвоение древнеримского правового наследия совершалось в западноевропейских странах преимущественно в рамках юридических факультетов университетов, т.е. в светской, а не церковной сфере и под покровительством светских, а не церковных властей. С этого времени римское право стало противопоставляться как гражданское право (*jus civile*) праву каноническому⁵². Руководство римско-католической церковью начало предпринимать попытки запретить преподавание римского права в университетах.

На Руси византийское, а значит и древнеримское правовое наследие не разделялось на светскую и церковную традиции, но воспринималось в качестве единой духовной традиции. Данное обстоятельство служит указанием на то, что византийскому правовому наследию отводилось в древнерусском обществе более идеологическое значение, нежели регуля-

⁴⁸ *Haskins Ch.* The Rise of the Universities. New York, 1923. P. 33.

⁴⁹ Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / Пер. с англ. СПб., 1873. С. 283.

⁵⁰ О том, что материал римского права стал «существенным фактором развития канонической юриспруденции XII и XIII столетий», писал, в частности, С. Куттнер (*Kuttner S.* Methodological problems concerning the history of canon law // *Speculum: A journal of medieval studies.* 1955. Vol. 30. № 4. P. 543).

⁵¹ *Genzmer E.* Il diritto romano come fattore della civiltà Europa // *Conferenze romanistiche.* Milano, 1960. P. 157.

⁵² Об этом свидетельствует множество фактов. Один из них — трактат пизанского судьи и преподавателя Пизанского университета Сассоферрато Бартола (1313 или 1314 — 1357) под названием «О различиях между каноническим правом и гражданским» (см.: Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. 2: Европа V—XVII вв. М., 1999. С. 320—331).

тора общественных отношений. Попытка великого князя Владимира применить норму византийского права о смертной казни в отношении разбойников на практике, на чем настаивали присланные из Византии епископы, окончилась, как отмечалось выше, неудачей. Летописец, рассказавший об этой истории, случившейся в 996 г, заметил в конце своего рассказа: «И живѣ Володимеръ по оустроению ѡтъню и дѣдню»⁵³, т.е. стал Владимир жить по заветам своего отца и деда. Русский закон оказался сильнее византийского. Не случайно текст «Русской Правды» стал включаться впоследствии в церковные сборники — «Кормчую книгу» и «Мерило Праведное».

Ссылки на Номоканон, встречающиеся в некоторых древнерусских правовых памятниках, выражали иногда указание на применение византийских юридических установлений в практике регулирования общественных отношений, но чаще они воплощали стремление русских князей показать, что принятые ими правовые нормы соответствуют христианской идеологической традиции. Так, ссылка на «грецьскыи номоканон», содержащаяся в ст. 4 «Устава Святого князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о церковных судей», свидетельствует о востребованности на Руси византийского правила, по которому князь, его бояры и судьи не должны вмешиваться в юрисдикцию церковного суда⁵⁴. Но при этом ст. 3 данного устава вводит десятину в пользу церкви, не имеющую аналогов в церковном законодательстве Византии.

Созданные на Руси и отражавшие традиционное русское право юридические тексты (как то: договоры, княжеские уставы и грамоты, «Русская Правда») излагались в отличие от византийских по своему происхождению текстов на русском языке. Таким образом, *правовое наследие Византии отделялось от традиционной русской правовой культуры языковым барьером.*

Восприятие древнеримского правового наследия в Западной Европе сопровождалось, как известно, его переработкой. Данная переработка осуществлялась в рамках западноевропейских университетов на протяжении шести веков когортами правоведов, принадлежавших к различным научным школам — глоссаторов, комментаторов, гуманистов, последовательно сменявших одна другую по мере выполнения тех задач, которые они перед собой ставили.

Подобного широкомасштабного изучения и трансформации византийско-древнеримского юридического наследия не было на Руси. И в этом заключалась еще одна особенность процесса развития древнерусской юриспруденции по сравнению с современной ей юриспруденцией западноевропейских стран. На мой взгляд, объясняется данная особен-

⁵³ Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 127.

⁵⁴ Российское законодательство X—XX веков. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 148.

ность двумя главными обстоятельствами. *Во-первых*, византийско-древнеримское правовое наследие не имело на Руси такого большого значения, какое было придано ему в Западной Европе. А *во-вторых*, переработка этого наследия и приспособление его к реалиям древнерусского общества совершались в процессе перевода византийских юридических текстов на церковно-славянский язык. Факты показывают, что серьезной переработке подвергались на Руси произведения византийской религиозной литературы, но еще более существенные изменения вносились в тексты светских произведений — особенно в те, которые содержали юридические нормы. По словам академика Д. С. Лихачева, «отношение русских переводчиков и читателей к переводной литературе было далеко не пассивным. Эти переводы граничили с творческими переработками, а самый выбор переводимых произведений диктовался потребностями русской действительности»⁵⁵.

Пройдя через руки древнерусских переводчиков, византийские юридические тексты переставали быть византийскими по своему смыслу. Они даже получали новые названия, которые совсем не соответствовали оригинальным. Более того, их содержание сокращалось, наполнялось чуждыми ему добавлениями, приобретало новый смысл, часто противоречивший смыслу оригинала. Все это делалось для того, чтобы приспособить элементы правовой культуры Византии к общественным условиям Руси, к правосознанию русского общества. Древнерусские переводчики фактически брали на себя функции правоведов.

Восприятие византийско-древнеримского правового наследия в Западной Европе сопровождалось приданием ему особого авторитета. Римское право трактовалось при этом западноевропейскими правоведомы как «*ratio scripta* (писанный разум)». На Руси византийско-древнеримское правовое наследие не обладало в общественном сознании таким авторитетом, как в Западной Европе. Данное обстоятельство во многом развязывало руки древнерусским переводчикам при переработке византийских юридических текстов.

Перевод правового текста в любом случае — даже и тогда, когда переводчик ставит перед собой целью максимально точно воспроизвести содержание оригинала — предполагает определенное изменение его первоначального смысла. Юридические термины, возникающие в рамках правовой культуры того или иного конкретного государства, всегда отличаются некоторой спецификой, вследствие чего их значение не может быть в полной мере выражено в терминах, присущих правовой культуре другого государства. Если же перевод юридического произведения осуществляется с целью приспособления его текста, отражающего правовое сознание одного общества, к правовому

⁵⁵ Лихачев Д.С. Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI—XII века. СПб., 1999. С. 11.

сознанию другого общества, то такой перевод неизбежно выливается в переработку содержания данного произведения.

Перелагая византийские юридические тексты с греческого на церковно-славянский язык, русские переводчики часто не находили в своем родном языке юридического термина, адекватно передававшего смысл того или иного переводившегося ими иностранного термина. В подобных случаях переводчики обыкновенно выбирали в родном языке наиболее близкое по значению к нему слово, которое в результате этого приобретало новый смысловой оттенок. Переводы византийских юридических текстов на церковно-славянский язык способствовали, таким образом, развитию выраженной на этом языке русской юридической терминологии.

Так, слово «закон» первоначально применялось на Руси для обозначения обычаев, существовавших не только в письменной, но и в устной форме⁵⁶. Впоследствии же оно стало использоваться для названия лишь писаных правовых установлений. По мнению историка права В.И. Сергеевича, в таком изменении смысла термина «закон» большую роль сыграли именно переводчики. «Когда же и как слово закон разошлось в смысле со словом обычай? — вопрошал он и отвечал: — Это случилось, когда на Руси начало распространяться византийское право. Переводчики греческих книг встречали слово “*nomos*” в смысле императорских постановлений. Передать это слово на русский язык “обычаем” было неудобно, так как греческое право вносит новые начала, к которым у нас не было привычки; слово “закон” этого неудобства не представляло, им и стали переводить “*nomos*”. Извлечение из постановлений императора Юстиниана носит в кормчих книгах наименование: “Юстиниана царя закон”»⁵⁷.

Для выявления характера переработки, которой подвергались на Руси в процессе перевода на церковно-славянский язык византийские правовые сборники, необходимо сравнить переводные варианты их текстов с теми греческими текстами, с которых делался указанный перевод. Наибольший интерес в данном случае представляет собой сравнительный анализ церковно-славянского варианта Эклоги, созданного на Руси приблизительно в X—XI вв., с одной стороны, и его греческого оригинала — с другой.

Как известно, перевод Эклоги на церковно-славянский осуществлялся не с официального текста этого правового памятника, появившегося в Византии в первой половине VIII в., а с его варианта, составленного в частном порядке спустя приблизительно столетие — в первой половине

⁵⁶ Заключительная часть статьи первой настоящего цикла статей опубликована в журнале «Законодательство» (2003. № 7).

⁵⁷ *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 4-е, доп. и поправл. Спб., 1910. С. 20.

IX в. В распоряжении историков имеется в настоящее время два варианта частной Эклоги: первый именуют просто *частной Эклогой* (*Ecloga privata*)⁵⁸, второй — частной распространенной Эклогой (*Ecloga privata aucta*)⁵⁹. Какой именно из вариантов частной Эклоги был взят русскими переводчиками за основу, вряд ли возможно установить с точностью. Различия между ними не слишком большие. Некоторые исследователи полагают, что частная распространенная Эклога была составлена на основе частной Эклоги. Но вполне возможно, что оба варианта частной Эклоги основываются на каком-то составленном ранее их первоначальном варианте частной Эклоги, не обнаруженном пока в архивах.

Попытки сравнить славянский текст Эклоги с его греческим оригиналом предпринимались многими историками, изучавшими судьбу византийского юридического наследия в славянских странах. В России такую попытку осуществил русский византиевист В.Г. Василевский⁶⁰, в Чехословакии — историк Ф. Сатурник⁶¹, в Болгарии — исследователи М. Андреев⁶² и В. Ганев⁶³. Однако результаты их сравнительного анализа правовых памятников византийского и славянского права обесцениваются в значительной мере тем, что в качестве текста славянской Эклоги они брали не ранние его варианты, а значительно более поздние — такие, создание которых относится к XVI и даже к XVII вв. К примеру, В.Г. Василевский брал для сравнения с греческой Эклогой сокращенный церковно-славянский текст этого правового памятника, содержащийся в печатной Кормчей книге 1649 г.⁶⁴ Между тем известно, что в процессе печатания данный текст, как и в целом Кормчая книга, подвергся правке⁶⁵, которая придала ему немало отличий от первоначального текста, созданного русскими переводчиками.

⁵⁸ Первая публикация текста частной Эклоги, названного ею исследователями Эклогодионом, была осуществлена в 1977 г. историком Ф. Гориа (см.: *Goria F. Sulla data e l'origine dell'Ecloga privata aucta // Studi Parmesi, 1977. Vol. XX*).

⁵⁹ Первую публикацию текста частной распространенной Эклоги осуществил в 1865 г. немецкий историк К. Э. Цахариз фон Лингенталь (*Ius graeco-romanum. Vol. I—VII / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Vol. IV. Lipsiae, 1865*). В 1962 г. данный текст был переиздан без каких-либо изменений П. Зепосом (*Ius graeco-romanum. Vol. I—VIII / Ed. J. Zepos et P. Zepos. Vol. VI. Aalen, 1962*).

⁶⁰ См.: Труды В.Г. Василевского. Т. IV. Л., 1930. С. 185.

⁶¹ *Saturnik Th. Přispěvky k šíření byzantského práva u slovanu. Praha, 1922.*

⁶² См.: *Андреев М. Римское право и славянская Эклога // Годишник на Софийския Университет. юрид. фак. Т. 1. София, 1959.*

⁶³ См.: *Ганев В. Закон Соудный людьмъ. Правно-исторически и правно-аналитични проучвания. София, 1959.*

⁶⁴ Это принятое в исторической литературе наименование. На самом деле печатание указанной Кормчей книги только началось в 1649 г., закончилось же оно на следующий год (1650).

⁶⁵ Протоиерей Владислав Цыпин пишет об этой правке следующее: «Патриарх Никон подверг только что изданную «Кормчую» ревизии. Им было исправлено 50 страниц книги; в свою очередь, в новую Никоновскую редакцию были внесены существенные дополнения» (*Цыпин В. «Кормчая книга» в русском церковном праве // Древнее право. 1997. № 1 (2). С. 88*).

Определенные исправления вносились в церковно-славянскую Эклогу и в предшествующие эпохи. Поэтому и в случае, когда для сравнения с греческой Эклогой берется более ранний ее текст, результаты сравнительного анализа нельзя считать несомненными.

Так, историк Л.В. Милов использовал для такого анализа текст церковно-славянской Эклоги, который входит под названием «Леона и Константина верная цесаря» в состав сборника «Мерило Праведное», известного по рукописи XIV в.⁶⁶ По его мнению, древнерусский текст Эклоги отличается от греческого текста частной Эклоги (*Ecloga privata*), главным образом, порядком расположения материала внутри отдельных титулов (в особенности, семнадцатого), более подробными заголовками титулов, отсутствием ряда статей⁶⁷. Л.В. Милов предполагает, что данные изменения были внесены в содержание Эклоги древнерусскими переводчиками. И для такого предположения есть некоторые основания. Однако в этом случае вполне можно сделать и другие предположения. Изменения в порядок расположения материала в рамках отдельных титулов Эклоги могли быть внесены не в процессе перевода ее текста с греческого на церковно-славянский язык, а позднее — например составителями «Мерила Праведного». Они же могли снабдить отдельные титулы более подробными заголовками по сравнению с теми, которые имелись в греческом тексте Эклоги. И вместе с тем изъять из церковно-славянского текста Эклоги ряд статей.

Установление подлинного характера переработки текста Эклоги древнерусскими переводчиками представляется особенно сложным еще и потому, что неизвестно, какой из греческих вариантов текста этого правового памятника брался ими за основу для переложения на церковно-славянский язык. Вполне возможно, что переводчики использовали текст Эклоги в такой редакции, которая не сохранилась. И эта редакция Эклоги могла отличаться от других известных современным историкам редакций именно расположением материала, более подробными заголовками титулов и отсутствием ряда статей — всеми теми чертами, которые считаются в исторической литературе отличительными признаками церковно-славянского текста Эклоги. Иначе говоря, существует вероятность, что изменения в тексте Эклоги, которые историки приписывают древнерусским переводчикам, были сделаны на самом деле еще византийскими правоведами, а переводчики всего лишь переняли их. Сопоставление текста частной распространенной Эклоги и официального текста данного правового памятника показывает, что существенные изменения в его структуру и содержание могли вноситься и в самой Византии. В процессе частной обработки официального текста Эклоги, в результате которой возникла так называемая *Ecloga privata aucta*, изменялся порядок распо-

⁶⁶ См.: Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961.

⁶⁷ См.: Милов Л.В. Указ. соч. С. 205—207.

ложения материала, исключались некоторые статьи, включались дополнительные статьи.

Описывая переработку текста Эклоги древнерусскими переводчиками, историк Л.В. Милов отмечает, что наиболее резкой трансформации был подвергнут ими титул XVII. По его словам, в этом титуле «древнерусский юрист довольно неожиданно произвел кардинальную структурную перестройку порядка расположения практически всех 52 статей»⁶⁸. Любопытно, что и в Византии титул XVII Эклоги подвергался в процессе частной обработки ее официального текста довольно значительным изменениям. Византийские правоведы меняли в нем порядок изложения статей, некоторые из статей вообще изымали, добавляли новые статьи⁶⁹.

Если древнерусские переводчики действительно вносили в текст Эклоги при его переводе на церковно-славянский язык отмеченные структурные изменения, то они применяли при этом те же самые приемы, которые ранее использовали в процессе частной обработки официального варианта Эклоги византийские правоведы.

Переложение греческой Эклоги на церковно-славянский язык и включение ее в поле русской духовной культуры сопровождалось некоторыми изменениями не только в структуре данного правового памятника, но и в его содержании. Если в части структуры текста Эклоги работу древнерусских переводчиков не всегда можно отделить от усилий позднейших составителей юридических сборников, с одной стороны, и от трудов византийских правоведов — с другой, то в сфере содержания указанного текста воздействие на него переводчиков является почти несомненным.

В статье 10 титула XVII греческого текста Эклоги предусматривалось наказание отсечением руки тому, кто украдет в армейском лагере или в походе «ἀλόγον» (т.е. бессловесное животное: коня, осла или мула). При переводе на церковно-славянский язык греческое слово «ἀλόγον» было сужено в своем значении и передано как «коня».

Другой пример: имевший хождение на Руси церковно-славянский текст Эклоги не включал в себя ст. 50 титула XVII. Историк Л. В. Милов предположил, что данный пропуск является результатом случайного недосмотра или излишней спешки переводчиков. По его словам, «не исключено, что при спешной работе древнерусских кодификаторов... ее действительно забыли вставить в эту серию (статей о наказаниях за преступления. — *В.Т.*), может быть, в силу чистой случайности»⁷⁰. Однако содержание ст. 50 заставляет склоняться более к мысли о сознательном ее изъятии из текста русской Эклоги. В данной статье говорится о том,

⁶⁸ Там же. С. 206.

⁶⁹ См.: *Литвиц Е.Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981. С. 38—41.

⁷⁰ *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 208.

что разбойничающий и устраивающий засады и убивающий подлежит распятию на вилах (фурке). Такой род жестокой казни, заменивший в Византии древнеримское распятие на кресте, был совершенно чужд русскому правосознанию. Поэтому переводчики греческого текста Эклоги на церковно-славянский язык опустили статью, предусматривавшую его.

Титул XVIII Эклоги был посвящен дележу военной добычи. В греческом тексте декларировалось правило, согласно которому в случае победы в государственную казну отходила шестая часть добычи, остальные пять частей ее делились поровну между воинами. Право на дополнительные доли добычи давалось при этом только особо отличившимся военачальникам. В тексте Эклоги, переведенном на церковно-славянский язык, устанавливалось, что шестая часть военной добычи должна принадлежать не казне, а князю. Право же на дополнительные доли предоставлялось не только военачальникам, но и простым воинам, проявившим на поле битвы храбрость и совершившим подвиги.

Приведенные факты показывают, что степень влияния правового наследия Византии на древнерусскую юриспруденцию была весьма ограниченной. Ее черты определялись в большей мере условиями экономического, политического и культурного развития Древней Руси, особенностями общественного сознания русского народа.

Список литературы

1. *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. Спб., 1905.
2. *Бенешевич В.Н.* Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. Спб., 1913.
3. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского. Т. 3. Спб., 1903.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
5. Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянно историко-археологической комиссией Академии наук СССР. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926.
6. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорско-Археологической комиссией. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. Спб., 1908.
7. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. статья, перевод, комментарий Е.Э. Липшиц. М., 1965.

Поступила в редакцию
00.00.09